

Мифологический рассказ как жанр диалектного монолога в современной русской деревне

Одним из актуальных направлений современной диалектологии является многомерное лингвокультурологическое изучение диалектного текста как особой единицы сельской коммуникации (Гольдин 2002). Диалектный текст, и шире — диалектный дискурс, отражает когнитивное пространство социума, включающее, помимо современного взгляда на миропорядок, и реликты архаического восприятия мира. Традиционная народная культура, несмотря на все трагические обстоятельства, которые выпали на долю русской деревни в XX в., сохранилась и проявляется не только в обрядовых и фольклорных, но и в бытовых текстах.

Самые разнообразные рассказы, отражающие мифологическую картину мира русского человека, мы находим в сборнике, составленном известным петербургским фольклористом М. Н. Власовой (Мифологические рассказы 2015). В книгу включены в первую очередь былички (истории о мифологических персонажах), а также другие виды повествовательных текстов: о колдунах и знахарях, о покойниках, о предсказаниях судьбы, знамениях, болезнях и исцелениях, снах, всякого рода иррациональных происшествий. «Кроме того, книга содержит ряд бессюжетных текстов-описаний, характеризующих те аспекты верований, которые важны для понимания структуры и семантики мифологических рассказов либо дополняют их» (там же: 10). В собраниях диалектологических текстов значительную часть также составляют рассказы подобного рода.

Материалом для нашего исследования послужили записи, сделанные авторами и коллегами из отдела диалектологии ИРЯ РАН во время экспедиций (2000–2016 гг.) в говоры Европейской части России. Среди текстов встречаются различные истории о сверхъестественном, при этом собственно быличек немного, так как их порождение требует определенной коммуникативной ситуации, что весьма аргументированно доказала Е. Е. Левкиевская (2007: 41).

Мифологические рассказы встречаются в речи далеко не каждого информанта, а лишь у людей с традиционным менталитетом. Во время беседы-эксперимента диалектолог наводит респондента на нужные для записи темы, стараясь спровоцировать воспроизведение историй, связанных с местными обычаями, праздниками, суевериями, гаданиями и т. д. В процессе подобной коммуникации и появляются разного рода мифологические тексты. Они

обладают общими свойствами, к которым относятся такие универсальные составляющие, как достоверность и мифологичность. Установка на достоверность крайне важна, поскольку в крестьянском социуме ценится прежде всего реальное событие, пережитое самим человеком (Гольдин, Крючкова 2008). Стремление к правдивости выражается в упоминании большого числа подробностей, в избыточной детализации повествования, помогающей представить событие, этому же способствует иконичность (изобразительность) и обязательные формулы достоверности.

Среди мифологических рассказов немалый пласт составляют те, которые повествуют о «ходячих покойниках». Этой теме посвящено большое количество фольклорной, этнографической и этнолингвистической литературы. Тексты о ходячих покойниках приведены в книге (Мифологические рассказы 2015) в разделе «Загробное бытие», в них, как правило, говорится о причинах прихода умерших: тоска родственников, претензии к живым или месть, предсказание будущего.

Особенно значимые работы обобщающего характера в этой области, в основном опирающиеся на обширный материал полесских говоров, принадлежат С. М. Толстой. Автор исследует в первую очередь категории «ходячих покойников» и причины их хождения, а помимо этого сроки, время, место появления, образ покойника, способы защиты от него, и подтверждает каждое положение текстами быличек и поверий. Рассказы о приходе покойников распадаются на две категории: о явлении покойников во сне и наяву (Толстая 2015а: 380). Интересным нам кажется замечание о том, что «... подобные рассказы о приходе покойников могут не быть связаны с состоянием сна, а воспроизводить ситуацию видения или звукового восприятия (реже тактильного восприятия) наяву, причем сюжеты и мотивы обоих типов рассказов во многом совпадают» (Толстая 2015б: 469). Наши материалы полностью подтверждают это положение.

В работе будут проанализированы рассказы, названные нами таинственными (Букринская, Кармакова 2015). К этому жанру мы отнесли повествования о знаках потустороннего мира, о событиях, которые могут иметь как сверхъестественное, так и реалистическое толкование, о встрече с покойником во сне, вещих снах, предсказаниях.

Когда информант начинает транслировать подобные истории, то обычно рассказывает их одну за другой, а присутствующие подхватывают эту тему. Таинственный рассказ занимает, на наш взгляд, промежуточное положение между бытовыми и фольклорными нарративами (быличками, бывальщинами) (Букринская, Кармакова 2014).

В 2006 г., собирая материал для описания говоров белорусско-русского пограничья, в д. Лобок Невельского района Псковской области мы встретились с удивительным человеком — Екатериной Яковлевной Тищенко, 1923 г. рождения. Она оказалась блестящей рассказчицей, обладающей хорошей памятью и яркой, выразительной речью. По менталитету и укладу жизни Тищенко принадлежит к традиционному типу культуры, это отражается в речи, в оценке тех или иных жизненных ситуаций. Именно от нее записано много быличек, бывальщин, историй о колдовстве, гаданиях, в том числе и таинственных рассказов. Приведем некоторые из них¹.

<Случай под горой>

А яшио один [случай] вот сейчас [расскажу]... Там Хрябтово, где я раньше жила, и большая дю́же уора была. Бывало, всё на ней за морду лошадей сводють. Сейчас уже засыпали пяском. Ииёл этот мужчы́на домой, и яуо кто-то поймал под этой уорой... И он умёр, не сказа́ў. Он сказа́ў, что, коуда буду умирать, я расскажу, а сейчас мне нельзя.

Пришел и два с половиной месяца отлежал на постели. А что было, хто был? Он сказал жань: «Коуда буду умирать, тоуда я тобе́ расскажу». А умирал — у нею речи не было. Так никто и не узнал, что с ним случилось.

Как видим, рассказ полон загадками: кто-то встретил мужчину и, вероятно, избил или испугал, а он почему-то при жизни не может объяснить, что же с ним произошло. При этом Тищенко ни минуты не сомневается, что события имеют сверхъестественное объяснение. При загадочности и неопределенности содержания удивительно выглядит точность деталей: указание на место, описание горы, время болезни. Остается неясным, знала ли информантка сама этого мужчину или от кого-то услышала историю.

Рассмотрим еще один таинственный рассказ:

<Отец забрал сына>

Опять же з моим свёкрым было́. Ну вот у́вори ни у́вори, а так было́. похоронил ён своёю шурина²... ну тшыестя́, да, тшыестя́, тесь был мёртвый. А шури́н на исходе был, пьмирал тоже, лежал. Ну яуо пьхоронили, и поехал обратно туда, што ён при́ сьмерти ляжы́ть. А Илюха, такей́ был с

¹ Диалектный текст дается в упрощенной транскрипции.

² Шури́н 'брат жены'.

*Терпелъга, Жук, я, уѣворить, заеду домой да прибяру хъзйство и тожа приеду, што...Бабы... эта, уѣт (говорит), на печ, змучались, ляули, заснули, а я, уѣворить, сяжу ко́ло сто́ла. Едутъ. Ну это ж Илюха е́дитъ. Едитъ, думаю, што ж это за Илюха... Ворота **открываюца** на двѣр, ко́лидо́р **открываица**, в хати дверь **открываица**: ш-ш-ш шум... То лежал **не върачивался**, уѣворить, **верть** – **пъреварну́лся** на друу́ей бок. И этот шум опять: ш-ш-ш. И инять поехали, и опять зазвенело и паехало. Я подоише́л — шу́рин уме́р.*

Вот это действительно было наяву.** Тады уже **взади**³ приехал Илюха. Тут ужо меня страх — я баб этих разбудил усих, ну стали уже мыть да убяра́ть. Вот это шум, вот это, наверно, отец сзади приехал и зъбра́л сына. **Это, это уже наяву было.

В данном случае информантка пересказывает историю, произошедшую со свекром, которому она безусловно доверяет (*уѣвари ни уѣвари, а так было*), причем речь ведет от 1-го лица. Этот прием типичен для деревенской коммуникации и призван приблизить события к моменту текущего общения, указав на их истинность.

Правдивость должны подтверждать и многочисленные подробности: знакомый Илюха Жук из Терпелого обещает приехать, когда управится с делами; уставшие бабы спят на печи, сам свекор сидит у стола. На протяжении рассказа трижды — в начале и в конце — дается формула достоверности: *так это было, эта было наяву, действительно было наяву.*

Текст насыщен глаголами, особенно значимы повторы глаголов движения, усиливающие динамизм и напряженность рассказа: *поехал, заеду, приеду, едутъ, едитъ, поехали.* Благодаря этому в монологе нарастает ожидание чего-то мистического: как в сказках, трижды употреблена конструкция с глаголом *открываться* (ворота, коридор, дверь). Далее следуют однокоренные глагольные формы, характеризующие положение умирающего шурина: прежде он *не върачивался* — многократный глагол передает значение усиленного отрицания события в прошлом (Виноградов 1972: 431), *верть* — глагольное междометие со значением быстроты и неожиданности действия (там же: 435), наконец, глагол со значением однократности *пъреварну́лся на друу́ей бок*. Рассказчик отмечает и изображает шум, *ш-ш-ш*, который возникает перед и после того, как шу́рин перевернулся. Вновь идет «таинственный» глагольный ряд: *поехали, зазвенело, поехало* (неопределенно-личная и безличные конструкции). В итоге шу́рин умирает.

³ Взади, сзади 'следом' (ПОС 3).

Автор определенно считает, что шум и названные действия указывают на умершего отца: *Вот это шум, вот это, наверно, отец сзади приехал и зъбрáл сына*. Так разворачивается мистический план происходящего. Но события рассказа могут иметь и реальное объяснение: уставшему, полусонному человеку что-то померещилось в порывах ветра, в скрипах и шорохах избы, вздохах умирающего.

В другом таинственном рассказе Тищенко действующим лицом выступает она сама⁴.

<Мама приходила>

А у меня лично со мной был случай. Отправляла сына ув армию, ну ён поехал на это... в кино с друуом своим, а я думала, протру я люстру, что за-втре ж уости собираются, а дожжэок такёй моросит, дожжжок, и тёпло, тёпло, тихо.

Родители были осенние. Вот как раз мы собирались в еты родители. Осенние родители оны бывают чьтвертаю ноября, ууляли-то мы уже не в родительский день, а назавтрею. А я собираюсь, тут у меня женишина приглашёна ну уготовить еишо, собирать, уоворю: «Ну, я на кладбишию хоть нощу, а все равно пойду, я не моуу не сходить».

Я это узяла куттí, там закуски, пьачённа, конфет и побёула на кладбишише. Прихожу да уоворю: «Мама, я отпрувляю Лёню своею ув армию, остаёмся мы тольки вдвоих, больше у нас никоуо нет» (а мама посля дочки умерла). Ну, а это Машка (соседка) тот уот...: «Забяуи ты и на мои кладбишиши, что я сеюдня не пойду». Я это куттí посыпала, конфет, пьачённа полóжила, забёула на ту моуилку и прихожу домой.

И стала протирать, а Сашка (зять) на печке спать, ну правда не пьяный — трезвый. Послúхала (у нас очень слышно, коуда под вокном идеть): по шли-ху⁵ — шлèп, шлèп, шлèп, шлèп, шлèп. Ну, это Лёнька с кина бяуит. Я это прых со стола долой, побёула открыла дверь — ну никоуо нет. Ну я чуть ноуи себе не посяклá, так спууáлась, как дала оттуль. Сашку за ноуу потрясла: «Ты, уоворю, спишь, вот так со мной случилось». — «Во... ой, твою мать, а что с тобой случилось?» Да вот, уоворю, так и так. Ещё послухала, постояла: нет. — Идеть, идеть, шлèпаеть. Я это побёула открыла — никауо нет.

Вот это мама приходила. Точно знаю, что это ина приходила. Вот это лично уже со мной было. Такеи случаи. А вот она уъварила: «Умру, тады

⁴ Текст был приведен и проанализирован в (Букринская, Кармакова 2014).

⁵ Шлях 'дорога'

*всё тебе расскажу, приду с тою света, что, как это з Люсей (дочь) случилось». **Никоуда не видела, никоуда не пришла и не рассказала. Это так. Видимо, не положено.***

Рассказчица видит в случившемся неоспоримую связь с потусторонним миром: приход покойницы-мамы, которая при жизни обещала прийти рассказать про Люсю (дочь информантки, которая жила в Ленинграде и там трагически погибла).

Обратимся к построению текста: в нем ясно выделяется начало и завершение рассказа, в экспозиции следует отсылка ко времени — действие происходит в родительскую субботу. В самой истории присутствует множество ненужных для развития сюжета деталей. Происходит совпадение, что характерно для устной речи, ситуации темы с ситуацией текущего общения, проявляющееся в обилии прямой речи, в использовании глаголов настоящего времени при описании событий в прошлом. В тексте находим экспрессивные глагольные междометия *шлёп, прыг*, различные виды повторов: композиционный, синтаксический, лексический. В качестве связующих элементов выступают повторяющиеся частицы с указательным и усилительным значением: *вот, это, ну*. Все перечисленные черты придают тексту большую экспрессивность. Глагольные повторы, глагольные междометия, звукоподражания и в том и в другом тексте отражают иконичность — существенное свойство диалектной речи.

И вновь говорящим для подтверждения правдивости используется фигура достоверности: *«Вот это лично уже со мной было. Такей случай»*.

Важным нам представляется концовка рассказа, информантка не сомневается, что таинственные шаги относятся к маме: *Вот это мама приходила. Точно знаю, что это ина приходила*. Далее рассказчица рассуждает, почему не произошло обещанной встречи, осмысляет ситуацию: ***Никоуда не видела, никоуда не пришла и не рассказала. Это так. Видимо, не положено***, т. е. земному миру «не положено» знать больше, чем дано.

Интенцией подобных нарративов может быть передача жизненного опыта или объяснение миропорядка: вера в проницаемость границ между мирами, в способность покойника влиять на судьбу живых.

Особенно часто связь «того и этого» света реализуется в мистических снах. Об этом пишет С. М. Толстая: «...заснувший человек как бы переступает невидимую границу двух миров и входит в непосредственный контакт с обитателями потустороннего мира, и прежде всего со своими умершими родственниками» (Толстая 2015б: 463). Анализируя сны об умерших родствен-

никах и знакомых, автор отмечает, что в полесской традиции приход покойника (во сне или наяву) представляется очень опасным для живых: «мертвые являются, чтобы просить и требовать, укорять и предъявлять претензии, чтобы угрожать и наказывать». Полесские материалы С. М. Толстая сравнивает с польскими (С. Небжеговская) и влашскими (А. Георгиева). При этом в польских рассказах «слабее выражена идея вредоносности явления покойников во сне... умершие более дружественны по отношению к своим живым родственникам, приходят их проведать, готовы им помочь...». Во влашских текстах (северо-запад Болгарии) «практически отсутствует мотив опасности», умершие приходят, чтобы рассказать о своей жизни на том свете или показать ее, для них важно соблюдение живыми правил погребения и поминания, иногда «живые сами стремятся увидеть во сне своих умерших родственников» (Толстая 2015б: 469–471).

Мистические сны приводятся и в сборнике (Мифологические рассказы 2015), хотя их там немного. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет тот, где покойная приснилась не родственникам, а соседке-старушке. Во сне она пришла к дочке и, ожидая ее у подъезда, замерзла, о чем рассказала этой соседке. Узнав о сне, дети поехали на кладбище. Как оказалось, могила провалилась и покрылась водой. Подобные сны распространены достаточно широко, в них покойники приходят с жалобами или просьбами. Народное представление о возможности общения живых людей с покойниками подробно описано в словаре «Славянские древности», такое общение может происходить в доме на поминках, на могиле, на похоронах новопреставленных, во сне (Толстая 2009: 118).

В рассказах о снах, которыми мы располагаем, отсутствует мотив опасности при встрече живых с умершими, есть сны с жалобами или рассказами о жизни на том свете. Приведем некоторые из них. Е. Я. Тищенко вспоминает свой сон, в котором видит погибшую дочь.

<Люсю видела во сне>

А Люсю вот видела раз во сне, один единственный раз и больше послѣ того нигде не вижу.

Вроде я приезжаю в Ленинград, как я и была, говорю: «Ну как ты, доченька, тут поживаешь?» Она: «Да я хорошо живу, Сашка со мной жить ты хочешь». А мужа звали Сашка... Я говорю: «А где он?» Она мне и показывает: «Во, в тей квартиры». А там вот так дом и вот так [показывает]. Она — «В тым уулѣ живѣть». Я говорю... Вот как з вам сейчас говорю: «Наплюнь ты на яю. Тебе таких десять Сашков будет, как этот Сашка!»

А я не хотела дуже, чтоб она замуж шла, она была высокая, не такая, как я, и красивая была деушка. «Ну, тебе, уоворю, здесь десять таких Сашков будеть».

И вдрух я спрашиваю: «Доченька, скажи, а как это с тобой случилось?»

А ина: «Что случилось, **так надо было**, мама, **так надо было**. Вот это со мной и случилось, и никоуо не вините. **Так надо было**».

Я уоворю, да, **и вдрух я спрашиваю:** «А ти видишь ты своих рдных там коуо?» Ина уоворить: «Всех, мама, вижу, но мне к им ходить не надо. Нажимаю кнопки, ихнии комнаты открываються двери. Я всех их вижу».

И я вдрух прочинаюсь. И посля тоуо больше никоуда ня видела.

А вот тоуда она мне так рассказала. Я уоворю... я уоворю: «Улухѐи, сляпзи живут же в уороде, и всё хорошо, а ты?» Она уоворить: «**Так надо было**». Наверно, судьба ина такая была. **Так надо было**.

В сюжете видится реальный план — поездка в Ленинград (дочь жила там и там же погибла), плохое отношение к зятю, и мистический — разговор во сне с дочерью о том свете.

Текст представляет собой развернутый диалог. И уже первый вопрос звучит двусмысленно: *Ну как ты, доченька, тут поживаешь?* — где? — в Ленинграде? на том свете?

Далее речь заходит в иносказательной форме о расставании дочери с мужем: он теперь живет отдельно, в другом месте — *в тым ууле*, так как смерть разлучила их. После этого вполне правдиво звучат слова матери, которые она говорила дочери и при жизни: *Наплюнь ты на яуо. Тебе таких десять Сашков будеть, как этот Сашка!* Далее идет отступление от сюжета об отношении информантки к замужеству дочери и повтор основной фразы: *Ну, тебе, уоворю, здесь десять таких Сашков будеть».*

Новый поворот сюжета начинается так: *И я вдрух спрашиваю*. В рассказе слово **вдрух** употребляется трижды, всякий раз вводя нечто важное. В первом случае после него следует вопрос о гибели: *Доченька, скажи, а как это с тобой случилось?* Мать не знала подробностей трагедии: дочь, которая уже была в декрете, *подбило уоночным велосипедом*, она ударилась головой о камень, что и явилось причиной смерти. Дочь во сне отвечает, принимая судьбу как нечто предначертанное свыше: *Никоуо не вините. Так надо было*.

После второго повтора *И я вдрух спрашиваю* идет вопрос о родственниках: *А ти видишь ты своих рдных там коуо?* Ответ дочери напоминает фрагмент из фантастического фильма: *Всех, мама, вижу, но мне к им ходить не надо. Нажимаю кнопки, ихнии комнаты открываються двери. Я всех их вижу*.

И в заключение: *И я вдрух прочинаюсь [просыпаюсь]. И послѣ того больше нигде не видела.*

Информантка воспринимает сон как реальную встречу с дочерью, о чем свидетельствуют слова: *Вот как з вам сейчас уворюю.* Рассказ имеет рамочную композицию, при которой в начале и в конце звучит одна и та же фраза: *И больше послѣ того нигде не вижу.*

Последний абзац представляет собой композиционный возврат к теме разговора с дочерью: *А вот тогда она мне так рассказала. Я уворюю... я уворюю: «Удлухѣи, слѣпѣи живутъ же в урореде, и всё хорошо, а ты?»* Повторно следует: *Так надо было.*

Подводя итог, Тищенко, со свойственным ей стремлением понять произошедшее, констатирует: *Наверно, судьба ина такая была. Так надо было.*

Значение рассказа заключено в желании поделиться с другими своей болью и найти смысл события. Информантка полагает, что именно так распорядилась судьба, иными словами, высший порядок не может быть открыт и понятен «этому миру», что подчеркивается многократным повтором слов дочери: *«Так надо было».*

В следующем тексте, который будет проанализирован, также происходит встреча во сне с покойником. Причиной прихода умершей матери становится отсутствие дочери на сороковинах, т. е. нарушение установленного традиционного порядка.

Рассказ был записан в июне 2016 г. от Зинаиды Васильевны Ореховой (1930 г. рождения, уроженки Вязниковского р-на Владимирской обл., после замужества живущей в д. Галицы Гороховецкого р-на той же обл.)⁶.

<На сороковины не приехала>

Д. (диалектолог): *Как покойника поминали? Что готовили?*

З. В. *Ну это я не знаю как... Что готовили? Мня уж не приходилось...*

Я уже здесь жила, мама умерла. Готовили снохи, д'ве снохи да и сестрѣнка с тридцать восьмого года, она подросла. Я уже приеж'ж'ала к готовому, да работала-то.

Д. *Туда приезжали, в Вязники?*

З. В. *Да, в деревню. Доежж'али э-э поездом, а от станции Вязники до автостанции автобусом, а там тоже автобусы еще, прям до деревни, напротив дома остановка автобусные. Хорошо.*

⁶ Речь информантки характеризуется неполным оканьем.

А на сорок дней к маме не приехала. **Вот, девчонки, какой случай был.** Я работала и приехала с ночи, усталая. Думаю: я немножко полежу. И со станции Горховёц уходит поезд, это уже электропоезд уже... в час дня. А я приехала в девять часов утра, думаю: я часика полтора полежу, и проспала. Проспала в час, а он в час и отправился. Я так переживала, тах-то меня там ждали: сорок дней маме, я не приехала. Легли спать. Муж с работы приехал и говорит: «Ты чего дома?» Еще, значит, я должна еще там, я должна попоздней приехать-то. Я говорю: «Я ведь проспала, я не была в деревне».

Ну ладно, легли спать. И мне снится сон, что этот сон, я проснулась от этого сна. Значит, слышу, открывается дверь, это мне снится. Открывается дверь, входит мама и топает ногами, слышу, **я уже вроде проснулась, это я чувствую, что я проснулась.** А у меня был сундук (усмехается), багажом отправляли вот сюда вот, когда замуж выходила, машинку, конечно, мы с собой взяли, а шобло⁷, там осеннее, плащ, зимнее, там платишки, всё в сундуке утравили багажом. И этот сундук у меня стоял ну на кухне, што ли, в бараче-то. Вот она подошла туда, поставила сумку и говорит: «Фу, как я устала!» **Я уже совсем проснулась, бужу его.** Он: «Ты чего?» Я грю: «Мама пришла!» Он: «Да ты что?» Я говорю: «Да так!» Ну чего? Он уж боится, я уж его тут наполнила (?), он уж боится вставить-то: мама пришла.

Это вот правильно поминки: покойник-то вот приходит. А я не явилась, а она ко мне на сорок-то дней-то явилась, сюда к нам, в Галицы. Она, правда, приежж'ала ко мне в гости-то, но после сорока-то дней-то... Попраснодали, а меня не было. **Вот какой случай был.**

Утром встала, баушка глухая жила (теперь сама такая же глухая), пошла к ней. «Баушка, мне мама вот и вот как пришла». – «Иди быстрее в магазин, купи там батон!» Тогда и батон еще праздник был, не у всех и батонны-то были, девчонки, как жили-то. Батон купила, еще чего-то, не помню, и подала кому-то. «И подавай милостьинку!» **Вот, а проспала. Не пришла на сорок дней к маме, так она ко мне явилас.** Это во мне бродит, это я вам сон рассказываю свой.

Д. А почему нужно было батон кому-то подать?

З. В. Вроде, чтобы помянули, шоб помянули.

Д. А всё равно кому?

З. В. Да, да. Ну, старались пожилым людям, им отдавать-то. Скажешь там кому. Они там перекрестуются, помянут, или детям глупым. Вот сейчас всё детям глупым.

⁷ Шобло 'одежда'.

Как видим, информантка прекрасно понимает, что ей снится сон, но в то же время говорит, что она будто проснулась и видит маму. Вводная часть характеризует коммуникативную ситуацию: именно разговор о поминках служит толчком для последующего рассказа, имеющего кольцевую композицию: ***Вот, девчонки, какой случай был.*** В экспозиции дано объяснение причины, почему рассказчица не попала на поминальную трапезу сорокового дня. В тексте много конкретных деталей: упоминание электропоезда, вечерний разговор с мужем, подробная история сундука, у которого стоит мама, и т. д. Как и в приведенных выше текстах, главные события описываются с использованием глаголов настоящего времени и прямой речи. В заключительной части объясняется случившееся: если нарушается установленный порядок, то происходит нечто, что его восстанавливает: ***Это вот правильно поминки: покойник-то вот приходит. А я не явилась, а она ко мне на сорок-то дней-то явилась.*** Важный вывод усиливается повтором.

Чтобы загладить вину, нужно совершить определенное действие, о котором следует узнать у опытных людей: *глухая баушка* учит подать *милостинку*, чтобы помянуть умершего. Считается, если покойник приснился, то его следует помянуть в церкви или подать милостыню. Интересен ответ на вопрос: *Кому подают милостыню?* – Ну, *старались пожилым людям... или детям глупым*, т. е. самым слабым. Милостыня — важный атрибут традиционной народной культуры. Обычай подавать милостыню сопутствует основным моментам жизни человека, особенно он важен для поминовения усопших: в родительские субботы, годовщины со дня смерти⁸.

В русских диалектных текстах, записанных нами, нет историй, где встреча с покойником повлекла бы за собой что-то неприятное; как видно из приведенных выше пересказов снов, умерший приходит, чтобы пообщаться, утешить, повидаться с живыми. Любопытный рассказ о встрече с покойником не во сне, а наяву мы услышали в г. Устюжне (Новгородской обл.) от местного умельца-самородка, краеведа, поэта В. Жабрева, этот рассказ был включен в книгу, в которой собраны бывальщины, былички, охотничьи и другие рассказы, услышанные им в деревнях близ г. Устюжны. (Жабрев 2006). В истории «Тещино видение» речь идет о том, как родственница автора, сельская учительница, поднимаясь в гору с тяжелыми дровами, вспомнила покойного

⁸ Этнографы, исходя из источников XVIII–XIX вв., делают вывод о том, что милосердие и подача милостыни нищим были свойственны русскому крестьянину повсеместно. Судя по нашим полевым материалам, этот обычай сохраняется в разных регионах в разной степени; в наиболее полном виде мы зафиксировали его в архаических говорах Поветлужья (Букринская, Кармакова 2012).

мужа, а потом почувствовала, что сани идут без усилий. Оглянувшись, она увидела мужа, толкавшего возок, и окликнула его, после чего «он распрямился, улыбнулся и растворился в сумерках, как облако пара...» (Жабрев 2006: 35). Автор подчеркивает, что прежде теща грустила, а после этого слухая снова стала веселой и общительной.

Итак, таинственные рассказы, как и другие диалектные нарративы, имеют следующие общие признаки: вычленяемость в потоке речи благодаря четкому обозначению начала и конца повествования, присутствие авторского взгляда на ситуацию, преимущественно изобразительный тип речи — репродуктивный регистр. Репродуктивный регистр характеризуется подсистемой сюжетных времен, наличием конкретных наблюдаемых действий и хронотопа, перцептивным присутствием говорящего субъекта. Для различного рода пояснений и комментариев используется информативный регистр, где присутствуют несюжетные времена, ненаблюдаемые действия (Коммуникативная грамматика 2004).

Важнейшую роль в построении таких рассказов играют повторы на всех уровнях: композиционные, синтаксические, лексические и даже фонетические, в результате тексты получаются в достаточной степени экспрессивными и эстетически организованными. Таинственные рассказы, наиболее интересные по сюжету и композиции, могут неоднократно воспроизводиться информантами, становясь рассказами-«пластинками».

Интенцией таинственных, а может быть, и любых мифологических рассказов является желание поделиться жизненным опытом, обобщить его и вывести на уровень мировоззренческих универсалий. Бывает, что вывод о жизни как таковой дается в форме дидактического высказывания или афоризма, указывающего на нравственные ценности и картину мира говорящего.

Литература

- Букринская, Кармакова 2012 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Традиционная культура и ее отражение в диалектном тексте // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2012. СПб., 2012. С. 265–281.
- Букринская, Кармакова 2014 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Из опыта исследования монологической диалектной речи: фольклорные и бытовые тексты // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2014. СПб., 2014. С. 155–164.
- Букринская, Кармакова 2015 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Таинственный рассказ как жанр диалектного монолога // Речевые жанры современного общения. Тезисы докладов международной конференции. Одиннадцатые Шмелевские чтения (23–25 февраля 2015). М., 2015. С. 30–32.

- Виноградов 1972 — *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
- Гольдин 2002 — *Гольдин В. Е.* Доминанта традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. М., 2002. С. 58–64.
- Гольдин, Крючкова 2008 — *Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю.* Текст и знание в диалектной коммуникации // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 2008. Вып. III, С. 398–413.
- Жабрев 2006 — *Жабрев В.* Бывальщины и небывальщины. Устюжна, 2006.
- Коммуникативная грамматика 2004 — *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Левкиевская 2007 — *Левкиевская Е. Е.* Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика. АДД, М., 2007.
- Мифологические рассказы 2015 — Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / сост. М. Н. Власова. СПб., 2015.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1976. Т. 3.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л. –СПб., 1965–. Т. 1–,
- Толстая 2009 — *Толстая С. М.* Покойник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 112–118.
- Толстая 2015a — *Толстая С. М.* Полесские поверья о ходячих покойниках // Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015. С. 379–420.
- Толстая 2015b — *Толстая С. М.* Иномирное пространство сна // Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015. С. 463–472.

Summary

*Irina Bukrinskaja,
Olga Karmakova*

Mythological tale as a genre of dialectal monologue in the present-day Russian village

In the article the authors examine dialectal texts, which have been recorded for the past ten years in different regions of Russia. Various features of traditional folk culture have been preserved better than it could be expected. The authors study such genre as a tale of mystery, which describes encounters with the dead. The article analyses mysterious stories of different types.